

ISSN 2304–4772

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»**

**ГУМАНИТАРНЫЕ ВЕДОМОСТИ
ТГПУ им. Л. Н. Толстого**

Научный журнал

**Выпуск 3 (27)
Том 1
Октябрь 2018 г.**

**Тула
2018**

**ГУМАНИТАРНЫЕ
ВЕДОМОСТИ**
ТГПУ им. Л. Н. Толстого

Научный журнал

включен в перечень ВАК
МОиН РФ № 2191
от 30.11.2017 г.

Выходит 4 раза в год

Выпуск 3 (27)
Том 1
Октябрь 2018 г.

Дата выхода в свет: 30.10.2018

Главный редактор –
доктор философских наук,
профессор *Е. Д. Мелешко*

Заместитель главного редактора –
доктор философских наук,
профессор *В. Н. Назаров*

Заместитель главного редактора –
доктор философских наук,
профессор *В. П. Римский*

Ответственный редактор –
кандидат философских наук,
доцент
А. В. Слобожанин

Технический редактор –
кандидат философских наук
Е. Г. Мартыанова

Учредитель –
**ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л. Н.
Толстого».**

СМИ зарегистрировано в
Роскомнадзоре 24.03.2017 г.

Свидетельство
ЭЛ № ФС 77 - 69182
OnlineISSN 2304-4772

© ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2018
© Авторы статей, 2018

Адрес учредителя и редакции:
300026, Тула, просп. Ленина,
125, корп. 4, комн. 332.
Телефон: 8 (4872) 65-74-37.
Электронный адрес:
phileo@tsput.ru

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

DOI 10.22405/2304-4772-2018-1-3

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>От главного редактора</i>	5
<i>Мелешко Е. Д.</i> Фундаментальные исследования нравственной философии и педагогической этики Л. Н. Толстого в системе образовательных практик Тульского региона.....	6
<i>Прокофьев А. В.</i> Аргумент от различий в определении зла в этике непротivления Л. Н. Толстого.....	16
<i>Селиверстова Н. А.</i> Парадоксы толстовской этики ненасилия.....	27
<i>Назаров В. Н.</i> Народное православие в религиозных исканиях Л. Н. Толстого.....	32
<i>Судаков А. К.</i> Л. Н. Толстой и старшие славянофилы о богословии митр. Макария (Булгакова).....	41
<i>Герасимова С. В.</i> Иоанн Шаховской и Толстой.....	59
<i>Фалькнер Д.</i> «Анархизм» Льва Толстого: факт или миф?.....	67
<i>Зубец О. П.</i> Аристократический анархизм Льва Толстого.....	74
<i>Назарова Ю. В.</i> Толстовское движение и орден российских тамплиеров: этика неприятия власти.....	89
<i>Троицкий К. Е.</i> Полемика вокруг учения Л. Н. Толстого о непротivлении злу насилieм в первое десятилетие после 1917 года.....	95
<i>Волохова Н. В.</i> «Разумное сознание» и «сознание жизни» в антропологии Л. Н. Толстого.....	115
<i>Гельфонд М. Л.</i> Гуманист ли Л. Н. Толстой?.....	123
<i>Корина Н. Б.</i> Интерпретация толстовской философии в дневниках словацкого толстовца Альберта Шкарвана.....	135

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Красовская Н. А.</i> Народная лексика как контекст духовной культуры в цикле «Народных рассказов» Л. Н. Толстого.....	151
<i>Каримов Р. Н.</i> От линейных моделей коммуникаций к сетевым – эволюция и синтез.....	161

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СООБЩЕНИЯ

<i>Ревенко Н. В.</i> Мир сказки через поколение.....	173
--	-----

Сведения об авторах	179
Правила направления, рецензирования и опубликования статей в научном издании «Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого» (на русском и английском языках)	181

**GUMANITARNYYE
VEDOMOSTI
TGPU im. L. N. Tolstogo**

The scientific journal
is included in the list of
the Higher Attestation
Commission of the Ministry of
Education and Science of the
Russian Federation No. 2191
of November 30, 2017.
Published 4 times a year
Issue 3 (27)
Volume 1
October 2018

Released on October 30, 2018

Editor in chief –
Doctor of Philosophy,
Professor *E. D. Meleshko*
Deputy editor –
Doctor of Philosophy,
Professor *V. N. Nazarov*
Deputy Editor -
Doctor of Philosophy,
Professor *V. P. Rimskiy*
Executive editor –
Candidate of Philosophy
A. V. Slobozhanin
Technical editor –
Candidate of Philosophy
E. G. Martyanova

Founder –
Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University.
Mass media are registered in
Federal Service for Supervision of
Communications, Information
Technology and Mass Media
on March 24, 2017.
Registration certificate
EL № FS77-69182

Online ISSN 2304-4772
© Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University, 2018
© Authors of articles, 2018

**Address of the publisher
and the editorial office:**
300026, Tula, Lenin Prospekt,
125, Build. 4, room 332.
Phone: 8 (4872) 65-74-37.
Email address: phileo@tsput.ru

TABLE OF CONTENTS

PHILOSOPHICAL SCIENCES

<i>From the editor-in-chief</i>	5
<i>Meleshko E. D.</i> Fundamental research of moral philosophy and pedagogical ethics of Leo Tolstoy in the system of educational practices of the Tula region.....	6
<i>Prokofyev A. V.</i> Argument from disagreements over the definition of evil in Tolstoy's ethics of non-violence.....	16
<i>Seliverstova N. A.</i> Paradoxes of the Tolstoy's ethics of non-violence.....	27
<i>Nazarov V. N.</i> Folk Orthodoxy in Leo Tolstoy's religious searches.....	32
<i>Sudakov A. K.</i> Leo Tolstoy and senior Slavophiles on theology of Metropolitan Macarius (Bulgakov).....	41
<i>Gerasimova S. V.</i> John Shahovskoy and Tolstoy.....	59
<i>Falkner D.</i> Leo Tolstoy's "anarchist ideology": fact or myth?.....	67
<i>Zubets O. P.</i> Aristocratic anarchism of Leo Tolstoy.....	74
<i>Nazarova Yu. V.</i> Tolstoyan movement and order of Russian Templars ethics of authority rejection.....	89
<i>Troitskiy K. E.</i> Polemic around Leo Tolstoy's Teaching on Non-resistance to Evil by Violence in the First Decade after 1917.....	95
<i>Volokhova N. V.</i> "Reasonable consciousness" and "consciousness of life" in anthropology of Leo Tolstoy.....	115
<i>Gel'fond M. L.</i> Is Leo Tolstoy a humanist?.....	123
<i>Koryna N. B.</i> Interpretation of Tolstoy's philosophy in the diaries of the Slovak Tolstoyan Albert Skarvan.....	135

THEORY AND HISTORY OF CULTURE

<i>Krasovskaya N. A.</i> People's vocabulary as the context of spiritual culture in the series "Folk stories L. N. Tolstoy".....	151
<i>Karimov R. N.</i> From linear models of communications to network model - evolution and fusion.....	161

INFORMATION MESSAGE

Revenko N. V. Fairy tale world through generation.....	173
--	-----

Information about the authors	179
The rules for submitting, reviewing, and publishing articles in scientific journal 'Gumanitarnyye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo' (In Russian and English)	181

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ И РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
EDITORIAL BOARD AND EDITORIAL COUNCIL

Главный редактор

Chief Editor

Мелешко Елена Дмитриевна, д-р филос. наук, проф. (ТГПУ им. Л. Н. Толстого», Тула, Россия)

Elena Meleshko, prof., Doctor of Philosophy (TSPU, Tula, Russia)

Редколлегия

Editorial Board

Назаров Владимир Николаевич, д-р филос. наук, проф. (ТГПУ им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия) – зам. главного редактор;

Vladimir Nazarov, prof., Doctor of Philosophy (TSPU, Tula, Russia)

Римский Виктор Павлович, д-р филос. наук, проф. (БГИИК, Белгород, Россия) – зам. главного редактора

Viktor Rimskiy, prof., Doctor of Philosophy (BSIAC, Belgorod, Russia)

Слобожанин Алексей Вячеславович, кандидат философских наук, доц. (ТГПУ им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия) – ответственный редактор;

Aleksey Slobozhanin, A.P., PhD (TSPU, Tula, Russia)

Мартьянова Елена Георгиевна, кандидат философских наук (ТГПУ им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия) – технический редактор.

Elena Martyanova, PhD (TSPU, Tula, Russia)

Редакционный совет

Editorial Council

Панин В. А., д-р физ.-мат. наук, проф. (ТГПУ им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия), председатель редакционного совета

Vladimir Panin, prof., Dr. Sci. (TSPU, Tula, Russia)

Аринин Е. И., д-р филос. наук, проф. (ВГУ им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия)

Evgeniy Arinin, prof., Doctor of Philosophy (VISU, Vladimir, Russia)

Бубнов Ю. А., д-р филос. наук, проф. (ВГУ, Воронеж, Россия)

Yuriy Bubnov, prof., Doctor of Philosophy (VSU, Voronezh, Russia)

Варава В. В. д-р филос. наук, проф. (МПИ св. Иоанна Богослова, Москва, Россия)

Vladimir Varava, prof., Doctor of Philosophy (St. John the Theologian's Moscow Orthodox Institute, Moscow, Russia)

Венсан Юбер, д-р филос. наук, проф., Руанский университет, Руан, Французская республика

Vincent Hubert, prof., Doctor of Philosophy (University of Rouen, Rouen, France)

Дьякова Т. А., д-р культурологии, доц. (ВГУ, Воронеж, Россия)

Tamara D'yakova, A.P., Doctor of Culturology (VSU, Voronezh, Russia)

Золкин А. Л., д-р филос. наук, доц. (МосУ МВД РФ им. В. Я. Кикотя, Москва, Россия)

Andrey Zolkin, Assoc.Prof., Doctor of Philosophy (MIA of Russia, Moscow, Russia)

Кобзев А. И., д-р филос. наук, проф., (МФТИ, Москва, Россия)

Artem Kobzev, prof., Doctor of Philosophy (MIPT, Moscow, Russia)

Назарова Ю. В., д-р филос. наук, доц. (ТГПУ им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия)

Yuliya Nazarova, Assoc.Prof., Doctor of Philosophy (TSPU, Tula, Russia)

Никитина Н. А., канд. культурологии, доц. (Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», Тула, Россия)

Nina Nikitina, Assoc.Prof., PhD («Museum-estate of Leo Tolstoy «Yasnaya Polyana», Tula, Russia)

Орлов А. А., д-р пед. наук, проф., академик РАО (ТГПУ им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия)

Aleksandr Orlov, prof., Doctor of Pedagogic Sciences (TSPU, Tula, Russia)

Перевозчикова Л. С., д-р филос. наук, доц. (ВГТУ, Воронеж, Россия)

Larisa Perevozchikova, Assoc.Prof., Doctor of Philosophy (Voronezh GASU, Voronezh, Russia)

Прокофьев А. В., д-р филос. наук, доц. (ТГПУ им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия)

Andrey Prokof'ev, Assoc.Prof., Doctor of Philosophy (TSPU, Tula, Russia)

Рангелова-Тодорова Э., д-р пед. наук, проф. (Софийский университет им. Св. Климента Орхидского, София, Республика Болгария)

Emilia Rangelova-Todorova, prof., Doctor of Pedagogic Sciences (Sofia University «St. Kliment Ohridski», Sofia, Bulgaria)

Романов О. А., д-р филос. наук, проф. (ГГУ им. Я. Купалы, Гродно, Республика Беларусь)

Oleg Romanov, prof., Doctor of Philosophy (Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus)

Ромашина Е. Ю., д-р пед. наук, проф. (ТГПУ им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия)

Ekaterina Romashina, prof., Doctor of Pedagogic Sciences (TSPU, Tula, Russia)

Симонова С. А., д-р филос. наук, доц. (ВГУ, Воронеж, Россия)

Svetlana Simonova, Assoc.Prof., Doctor of Philosophy (VSU, Voronezh, Russia)

Сраджев В. П., д-р искусствоведения, проф. (БГИИК, Белгород, Россия)

Viktor Sradzhev, prof., Doctor of Art Criticism (BSIAC, Belgorod, Russia)

*К. Е. Троицкий,
Институт философии РАН*

ПОЛЕМИКА ВОКРУГ УЧЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО О НЕПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ НАСИЛИЕМ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПОСЛЕ 1917 ГОДА

В статье представлен критический обзор оценок некоторых советских авторов и российских эмигрантов, данных ими учению о непротивлении злу насилием. Предлагаемая статья включает также описание нескольких эпизодов из истории судьбы философско-религиозного творческого наследия Л. Н. Толстого и толстовского движения в России в первые годы после захвата власти большевиками. Цензура, направленная на философские произведения Толстого при новой власти, а также репрессии сторонников его учения стали проявлением имморализма, заключающегося в идеологии большевизма, в которой важное место отводилось насилию. При различии политических и ценностных позиций идеологов большевиков и представителей белой эмиграции их формальная критика учения о непротивлении злу насилием в ряде моментов совпадала. Учение Толстого обоими сторонами обычно рассматривалось как маловразумительное, наивное, трусливое, эгоистичное и вредное. Толстой объявлялся гениальным художником, но слабым мыслителем. Его этические идеи расценивались как провокационные и опасные для политических устремлений обоих противоборствующих лагерей, будь это Советская Россия большевиков, либо Новая Россия белой эмиграции. Имея возможность оглянуться на трагическую историю России XX века, можно с уверенностью сказать, что утопистами, еще и пошедшими на компромисс с массовым насилием, были большевики и белогвардейцы, тогда как единственную, а главное моральную альтернативу, позволявшую прекратить конфликт, несло в себе учение о непротивлении злу насилием Толстого, не утратившее свое значение и в XXI веке.

Ключевые слова: мораль, этика, непротивление злу насилием, революция, большевизм, белая эмиграция, Л. Н. Толстой

*К. Е. Troitskiy
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

POLEMIC AROUND LEO TOLSTOY'S TEACHING ON NON-RESISTANCE TO EVIL BY VIOLENCE IN THE FIRST DECADE AFTER 1917

The article presents a critical review of the opinions expressed by several soviet and émigré authors concerning Tolstoy's teaching on non-resistance to evil by violence. The paper includes a brief history of Tolstoy's philosophical and religious legacy in Russia in the first years after 1917. The censorship of Tolstoy's essays on philosophy and the repression of his followers in Russia were visible manifestations of immoralism inherent in Bolshevism, in which violence played an important role. At the same time, despite the difference of their political values, the formal criticism aimed at Tolstoy's moral teaching by Bolshevik ideologists and famous white émigré thinkers was often similar. Tolstoy's teaching was considered by them to be unreasonable, naïve, craven, selfish and harmful. Tolstoy was regarded as a brilliant novelist but a bad thinker. His ethical ideas were seen as provocative and dangerous to the political aspirations of the rival camps. With the hindsight at the Russian history of the 20th Century, we can say that the utopian thinkers were the ideologists of Bolshevism and White Army, who were also both compromised by the immorality of

real violence, while the only moral alternative was put forward by Tolstoy's teaching on non-resistance to evil by violence. This teaching has not lost its significance in the 21st Century.

Keywords: morality, ethics, non-resistance to evil by violence, revolution, bolshevism, white émigré, Leo Tolstoy

DOI 10.22405/2304-4772-2018-1-3-95-114

Введение

Со времен Перестройки в России стало возможным говорить о нравственном учении Льва Николаевича Толстого, не калеча мысль насильно навязываемой парадигмой, заданной работой В. И. Ленина «Толстой как зеркало русской революции». Это позволило многим исследователям открыто заявить о нераскрытом потенциале учения о непротивлении злу насилеием, отметить важное значение Толстого для этической мысли. Но достаточно быстро эти голоса стали заглушаться новой критикой, на этот раз имеющей истоки в уничижительных оценках учения Толстого со стороны ряда известных представителей белой эмиграции. Новые критики уже не потешаются в духе Ленина над толстовцем как «истасканном, истеричном хлюпике» и почитателе «рисовых котлеток» [13, с. 58], не ставят в упрек Толстому его «реакционность», дворянское происхождение и «поповщину» [13, с. 59]. В духе белых эмигрантов новые критики ругают Толстого как революционера-нигилиста, опасного радикала, невольного, но проложившего путь большевикам. Звучат голоса, призывающие возложить на Толстого ответственность за гонения против Православной Церкви, кровавый конец самодержавия и препятствование развитию едва зарождавшейся в России буржуазии (см., например: [9], [19], [24]).

В постсоветский период уже написано множество работ об идеях Толстого и их поток не иссякает. Величина мыслителя привлекает думающего человека как-то отнестись к тому, что говорил и писал художник слова, философ и моралист. Но в предлагаемой статье произведения самого Толстого почти не будут затронуты, а основное внимание будет направлено на восприятие и оценку его идей в промежутке от 1917 года и до празднования в 1928 году столетия со дня его рождения. Более того, будут затронуты оценки не всего многообразия тем и вопросов, связанных с наследием Толстого, а лишь отношение некоторых идеологов большевиков и представителей белой эмиграции к учению о непротивлении злу насилеием при осмыслении ими революционных событий 1917 года.

При всей разнице взглядов на будущее России и взаимном ожесточении большинство демагогов, исследователей и философов, вставших в рассматриваемый период как на сторону «белых», так и «красных», сходились в неприятии и резкой критике нравственного учения Толстого. Эта критика строилась вокруг нескольких общих для обоих враждующих лагеря утверждений:

– Толстой признавался гениальным художником, но ничтожным философом и моралистом;

– Идеи Толстого о непротивлении злу насилем объявлялись вредными и опасными, повлекшими за собой, в зависимости от политических предпочтений критикующего, либо разжигание революции, либо потворство контрреволюции;

– Утверждалось, что для одоления противоположного лагеря важно расправиться и окончательно отвергнуть основные философские идеи Толстого без чего невозможно утверждение новой русской или советской идентичности;

– Нравственное учение о непротивлении злу насилем Толстого характеризовалось как основывающееся на радикальном индивидуализме, непонимании природы зла, личной слабости и в конечном счете на эгоизме.

«За кого был бы Толстой?» Из истории творческого наследия

Толстого и толстовского движения в первое десятилетие после 1917 года

В 1919 году в разгар кровавых событий гражданской войны бывший секретарь Толстого, в последующем редактор его Полного собрания сочинения Н. Н. Гусев пишет в одном из последних номеров журнала «Голос Толстого и Единение» крошечную заметку под названием «За кого был бы Толстой?». В нем Гусев утверждает, что если бы Толстой был жив и его спросили, за большевиков он или белогвардейцев, то он ответил бы: «Я ни за большевиков, ни за белогвардейцев, ни за союзников, а за несчастный русский народ, обманутый и принуждаемый борющимися за власть группами людей, называющих себя членами различных политических партий и различных наций, проливать свою и чужую кровь вопреки предписаниям своей религии, требованиям здравого смысла и собственному благосостоянию» [5, с. 4]. Неизвестно, ответил ли бы Толстой именно так или иначе, но можно быть уверенным, что он бы резко осудил насилие и призвал бы все стороны к незамедлительному миру, а каждого человека к немедленному отказу от насилия. Предыдущая и последующая история толстовского движения демонстрировала приверженность его активных участников учению о непротивлении злу насилем, что вызывало жестокие репрессии со стороны советской власти и резкую критику ряда известных фигур российской эмиграции.

Последователи Толстого в основном с воодушевлением приняли известие о Февральской революции, тогда как октябрьские события были восприняты по-разному. Так, некоторые крестьяне-толстовцы видели в большевиках единственную силу, которая может остановить войну (см., например: [1], [18]). Крестьяне-толстовцы не знали, что усилия Ленина направлены не на прекращение войны, а скорее на изменение характера войны из внешней во внутреннюю. У тех, кто близко общался или работал с Толстым, а также у тех, кто был лучше знаком с программой большевиков, реакция была куда более настороженной и критической. И в первые же дни после совершенного в октябре 1917 года переворота опасения этих сторонников учения Толстого о возможности нового витка насилия стали подтверждаться. Печатные издания толстовцев наполнились воззваниями к большевикам о

прекращении расстрелов, террора и гонений инакомыслящих. Уже «28 октября, на третий день после захвата власти большевиками, когда по всей стране начались массовые убийства и всякого рода насилия, группа толстовцев, в которую входили В. Чертков, И. Горбунов-Посадов и другие, начала прямо на улицах Москвы распространять обращение «Прекратите братоубийство! Товарищам, братьям»» [16, с. 56].

Со своей стороны, большевики еще задолго до прихода к власти расценивали деятельность толстовцев как опасную, а философские идеи Толстого как «реакционные». При этом большевики, что было в их манере, пробовали использовать в своих тактических интересах толстовское движение. Так, высказываясь за необходимость борьбы с толстовцами, В. Д. Бонч-Бруевич говорил на Втором съезде РСДРП: «Мы должны выбить толстовцев из их позиций, а для этого есть единственный способ: дать сектантам такую небольшую газетку, которая лучше и всесторонней отвечала бы их назревшей потребности политического саморазвития» [16, с. 52]. Но ключевыми, конечно, для оформления отношения к учению Толстого внутри большевизма стали высказывания о нем и толстовстве в целом со стороны Ленина. Наиболее известны в этом отношении нападки, прозвучавшие в процитированной выше работе Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции», вышедшей к восьмидесятилетию писателя. При этом не более мягкими были и другие замечания вождя большевиков, опубликованные уже после смерти Толстого. Например, в 1911 году Ленин отмечал, что до определенного момента идеи Толстого имели некоторое позитивное значение, но потом добавлял: «В наши дни всякая попытка идеализации учения Толстого, оправдания или смягчения его «непротивленства», его апелляций к «Духу», его призывов к «нравственному самоусовершенствованию», его доктрины «совести» и всеобщей «любви», его проповеди аскетизма и квиетизма и т.п. приносит самый непосредственный и самый глубокий вред» [14]. Клеймо, поставленное вождем большевиков, во многом определяло отношение к наследию Толстого и живым толстовцам при устанавливавшемся тоталитаризме советской власти.

В первые же годы после Февральской революции 1917 года и отмены цензуры началась активная деятельность по изданию сочинений Толстого, в том числе тех, которые были запрещены к публикации в Российской империи. Появилось несколько журналов толстовцев, где печатались произведения Толстого, а также размышления и высказывания последователей его учения по актуальным вопросам. После прихода к власти большевиков относительная свобода в публикации и распространении работ Толстого существовала лишь первые два-три года, после чего подобная деятельность начинает сталкиваться с возрастающими трудностями. Например, у журнала «Обновление жизни» под редакцией И. И. Горубнова-Посадова, А. С. Зонова и В. А. Шнейдермана вышло всего два номера. Из других журналов важнейшими были «Голос Толстого и Единение», а также «Истинная свобода», но оба издания были закрыты в 1921 году.

В 1922 году было закрыто и независимое от новых властей издательство «Задруга», публиковавшее работы Толстого. Печать произведений писателя в России была монополизирована государством и передана Госиздату, публиковавшему только разрешенное большевиками и только в утвержденном партийными начальниками количестве. Но этого новой власти показалось мало и ими было решено отобрать то, что уже было опубликовано. В 1923 году за подписью Н. К. Крупской была издана инструкция «О пересмотре книжного состава библиотек к изъятию контрреволюционной и антихудожественной литературы». Согласно этой инструкции, по разделу «Этика и философия» из свободного доступа в библиотеках предписывалось изъять наряду с Платоном, Р. Декартом, И. Кантом и В. С. Соловьевым, философские работы Толстого (подробнее о начале цензуры философских произведений см.: [7]). Сделало это было через ведомство, возглавляемое А. В. Луначарским, много лицемерно рассуждавшего о величии Толстого-писателя и позже активно участвующего в организации помпезных торжеств в честь его столетнего юбилея. Последним до Перестройки «массовым» и независимым изданием о Толстом и его идеях в России стали «Бюллетени Московского Вегетарианского общества», печатавшиеся в доме Горбунов-Посадова на ротаторе в 1924-1929 годы. Количество поименных экземпляров составляло всего около 150 штук.

К столетнему юбилею Толстого уже сформировалась позиция советской власти, которая состояла в борьбе с любыми неподконтрольными государству обществами толстовцев. Один из ярких примеров дают материалы о VIII съезде ВЛКСМ, состоявшегося как раз в 1928 году, и где Крупская решила разобрать вопрос о «Детском клубе», незадолго перед этим поднятый газетой «Комсомольская правда». Дело в том, что в этом клубе «проводили беседы о непротивлении злу, о нравственности и добродетели по произведениям Толстого. Собраниями руководил толстовец Мазорин» [11, с. 90]. Крупская недоумевает как, на требования рассказывать о классовой войне, педагоги могли возражать: «Мы устали от крови и борьбы, дайте хоть немного отдохнуть детям» [11, с. 90]. Клуб был заклеен Крупской прибежищем «классовых врагов», а его пример приводится в качестве того, как «толстовская проповедь отравляет сознание ребят» [11, с. 94].

В 1928 году наряду с прославлением Толстого-писателя и созданием культа великого художника не менее громко гремели нападки на Толстого-философа и моралиста. Начиная с газет «Правда» и «Известия» и заканчивая небольшой региональной прессой, все основные органы советской пропаганды участвовали в травле так называемой «реакционной стороны» творчества Толстого. Одним из характерных проявлений этой травли стала публикация издательством «Атеист» книги «Лев Толстой как столп и утверждение поповщины. Противотолстовская хрестоматия», включающая статьи Ленина, Г. В. Плеханова, К. Каутского, Р. Люксембург.

Помимо этого, борьбой с этическими идеями Толстого активно занимался целый ряд советских аппаратчиков и идеологов. Среди них, например, были: председатель совета Истпарта, Комиссии по истории

Октябрьской революции и РКП(б) М.С. Ольминский, секретарь Партколлегии Центральной контрольной комиссии Е.М. Ярославский, член редколлегии нескольких журналов, один из основателей Российской ассоциации пролетарских писателей, родственник Г. Г. Ягоды, по некоторым версиям прототип Берлиоза, Л. Л. Авербах. Последний в частности писал, что установилась «общепартийная линия» во взгляде на наследие Толстого, которая, с одной стороны, не ведет к отрицанию «всего того ценного, что заключено в его литературном наследстве» [3, с. 34], но также ни в коем случае не связано «с затушевыванием реакционных сторон в творчестве и всей его реакционной философии» [3, с. 34]. При этом Авербах обрушился с руганью на толстовцев, которые пытались «использовать» столетний юбилей писателя, чтобы говорить о философских идеях Толстого. Авербах прямо заявлял, что «проповедь любви ко всему человечеству вообще, проповедь непротivления злу, агитация за «не убий» – прямые враги пролетарской революции» [3, с. 36]. Друг Авербаха, профессиональный пропагандист М. С. Гельфанд написал в 1928 году небольшую книгу «Толстой и толстовщина в свете марксистской критики», а через два года после этого был назначен заведующим кафедрой критики и публицистики факультета литературы и искусства МГУ. Призывал к жесткой борьбе с толстовцами и член Центрального совета Союза воинственных безбожников Ф. М. Путинцев написавший в 1928 году статью «О толстовствующих» в журнале «Антирелигиозник». Путинцев нападал на толстовцев за их «антисоциалистическую деятельность», говорил о них как об опасной и «вредной секте» (см.: [18, с. 78-79]). Позже Путинцев выпустил еще не одну и не две публикации, оформлявших существующие и науськивающий на новые гонения на толстовцев.

В следующий год после столетия Толстого началась новая волна жестоких гонений против толстовцев и их коммуны, продолжавшаяся до смерти Сталина. Советские власти, с одной стороны, цинично воздвигали памятники Толстому, а с другой стороны, закрывали коммуны толстовцев, а живых последователей Толстого расстреливали и ссылали в лагеря (истории репрессированных коммун и отдельных представителей толстовства см.: [18]).

Критика этических идей Толстого в советской России

Традиция критики учения о непротivлении злу насилем в среде революционеров к 1917 году имела длинную историю, восходящую к реакции на появление первых философских и религиозных произведений Толстого. Среди многочисленных работ можно отметить статью П. Л. Лаврова «Старые вопросы (учение графа Л. Н. Толстого)», впервые опубликованную в 1886 году и ставшей реакцией автора на появление произведений Толстого «Исповедь» и «В чем моя вера». Упоминание работы Лаврова тем более уместно, что он не только величался Лениным «ветераном революционной теории», но и стоял у истоков движения «Народной воли», которая во многом была идеологической колыбелью большевизма и ее вождя (о месте Лаврова в пантеоне большевиков см.: [21]).

Тон работе «Старые вопросы» задает вступительное замечание Лаврова, где он жалуется читателю: «Чувствуешь досаду пред этою переборкою гнилого хлама. Большею частью находишь лучшим предоставить эту болезнь мысли собственному естественному течению, которое должно само собою выделить из мира мысли болезненные элементы. Но иногда нельзя отказаться от задачи пересмотра старья. Патологическое состояние общественной мысли не может не обратить на себя внимания» [12, с. 509]. Неудивительно, что после этого Толстой-мыслитель, который Лавровым всячески бичуется, противопоставляется Толстому-художнику или, словами Лаврова, «великому беллетристу». Более того, рассуждение Толстого-мыслителя в «Исповеди» оценивается Лавровым как противное логике, скорее подходящее для оценок не философа, а психиатра. Лавров пишет: «Мы имеем пред собою то отвращение к своей жизни, к окружающим людям, к себе, которое так характеристично подмечается психиатром при переходных настроениях, еще не составляющих болезни, но выражающих психическое недомогание» [12, с. 539-540]. Это недомогание не мешает, согласно Лаврову, «беллетристической деятельности» Толстого, но делает маловразумительным его нравственное учение. Лавров выбирает несколько направлений критики – от метода интерпретации Евангелия Толстым до учения о непротивлении злу насилем. В свете рассматриваемой темы следует остановиться на последнем.

Основное убеждение Лаврова, несмотря на примеры успешного ненасильственного сопротивления, которые были известны уже во время его жизни, состояло в том, что невозможно бороться со злом без насилия. Для Лаврова существовали всего две стратегии – либо следование истине и борьба со злом насилем, либо пассивное непротивление и релятивизм. Поэтому для него учение Толстого раскалывается на два противоречивых полюса: «С одной стороны, непротивления злу, с другой – обязанности общения с людьми, обязанности употреблять разум для искания истины и смысла жизни, обязанности употреблять свой талант, как жгучий огонь, для учения истины, обязанности борьбы с «тьмою»» [12, с. 560]. Фактически Лавров пришел к отождествлению непротивления и пассивного принятия зла, а также противления и насилия, для чего определяет насилие предельно широко, а именно как «действие, совершаемое над другим человеком против его воли» [12, с. 553]. Это определение превращает в насилие любое даже ненамеренное действие, которое как-то ограничивает или стесняет другого человека (например, создание случайного затруднения движения другому человеку). Толстой, конечно, не отрицал, а, наоборот, призывал даже в ранних философских произведениях к противлению злу, только оно должно было отвечать двум критериям: 1) Продиктовано любовью и желанием добра даже врагу; 2) Основываться на отказе от насилия.

Одним из главных упреков и источником недовольства Лаврова было то, что учение о непротивлении злу насилем мешает применить разоблачения Толстого несправедливостей, творимых российским императором и его чиновниками, для революционных нужд. Поэтому уже со времени Лаврова и во

многим именно из-за учения о непротивлении злу насилием Толстой в ипостаси мыслителя записывался во враги революционеров. В своей статье Лавров прямо утверждает, что Толстой «во имя своего догмата «непротивления злу» есть принципиальный противник всякой революции» [12, с. 566]. Помимо этого, Лавров не упускает случая обвинить Толстого в эгоизме (см.: [12, с. 575-577]). При том, что Лавров объявил философские рассуждения Толстого нелогичными, от которых следует отказаться, он не только не предлагал отказаться, но наоборот призывал в практике действовать как религиозные фанатики. Лавров писал: «Пред задачами жизни мы не остановимся в критическом сомнении, а должны идти на то дело, к которому нас приводит предшествующая критика мысли и жизни, с такою же решимостью, с таким же самоотвержением, как религиозный фанатик идет совершать повеления своего всеильного бога. Критическая мысль должна готовить почву для непоколебимого убеждения, осуществляемого в энергическом деле» [12, с. 563-564]. Ужасы гражданской войны в России, действительно, были бы невозможны без фанатизма и отказа их участников от следования учению о непротивлении злу насилием.

Кроме Лаврова до 1917 года о Толстом и его идеях высказывались все лидеры более или менее крупных революционных партий и, что важнее в свете рассматриваемой темы, вожди меньшевиков и большевиков. Среди них Плеханов, Троцкий, но главное, конечно, Ленин, работа которого «Лев Толстой как зеркало русской революции» в СССР стала на долгие годы канонической для оценки этической мысли Толстого. Ленин особо не распространялся об этических идеях Толстого, предпочитая их высмеивать, заявляя, например, что «Толстой смешон, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества» [13, с. 59], а учение о непротивлении злу силою упоминает два раза. Первый раз для того, чтобы назвать его «юродивой проповедью» [13, с. 59], а второй, чтобы объявить это учение «серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании» [13, с. 61]. В целом Ленин, следуя уже утвердившемуся в среде критиков разделению творчества Толстого на талантливые художественные произведения и маловразумительные философские труды, считал, что своими ранними романами и рассказами Толстой сделал немало для революции, но как раз сознательную позицию и убеждения позднего Толстого причислял к «незрелости мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости» [13, с. 61].

После 1917 года крупнейшим идеологом большевиков, кто неоднократно выступал и высказывался об этических идеях Толстого, стал Луначарский. В своих выступлениях и дискуссиях с толстовцами нарком просвещения воспроизводил позицию Ленина о Толстом как «великом художнике», могучем писателе-критике самодержавия и капитализма, но слабом и реакционном мыслителе. Луначарский вслед за своим вождем повторял то, что Толстой, будучи представителем отмирающего дворянского сословия, стал идеологом консервативного и реакционного крестьянства. Он не чуждался прибегать в объяснении критического взгляда Толстого в отношении

революции и революционеров, а также приверженности учению о непротивлении злу насилем к неким, им самим же выведенным, психическим состояниям и особенностям мыслителя. Так, Луначарский выводил учение о непротивлении злу насилем не из того, что Толстой называл законом любви, а из ненависти, порожденной бессилием.

В докладе 1924 года «Толстой и Маркс», выпущенном чуть позже в виде отдельной брошюры, Луначарский открыто причислил толстовцев к врагам марксизма, а точнее – большевиков, среди врагов которых на первом месте он расположил капиталистов и социал-демократов (меньшевики), а толстовство зачислил в «дополнительные враги» [15]. В этом же докладе Луначарский отошел от своей обычной манеры объяснения этических идей Толстого исключительно через классовую принадлежность, а также личные особенности психики и безуспешно попытался найти содержательные аргументы против учения о непротивлении злу насилем. Последним в череде вопросов от воображаемого оппонента-толстовца, с которым спорит нарком просвещения в своем докладе, было утверждение неоправданности насилия во всех его проявлениях и в частности в виде зла гражданской войны и красного террора. Луначарский тщетно попытался оправдать себя и большевиков с помощью нескольких путей: 1) Через апелляцию к некоей исторической истине; 2) С помощью примера с ребенком, истязаемым насильником, но представленному в виде «бесчисленных миллионов и грядущих поколений» [15], при упоминании ребенка Луначарский обращался к идеям из им же самим запрещенных работ В.С. Соловьева; 3) Через обращение к теме самопожертвования, героизма, а также трагического усилия для торжества некой окончательной правды, которую, как решил Луначарский, он и большевики постигли. Все это и особенно последнее сходно с позицией религиозных фанатиков, поэтому неудивительно, что Луначарский не постеснялся использовать в докладе и религиозную лексику. Например, он заявил о «святом гражданском фронте», а также о готовности большевиков взять «крест» [15]. Заключил свою речь-статью Луначарский утверждением, что якобы не сложно быть толстовцем, открытым обвинением последователей Толстого в мещанстве и эгоизме, а также двусмысленной апелляцией к морали без каких-либо пояснений, что он понимает под моралью.

В первое десятилетие после захвата власти большевиками единственное произведение о философских идеях Толстого, выпущенное новыми властями и хоть как-то претендующее на академическое исследование, было написано Д. Ю. Квитко. Впрочем, при ближайшем рассмотрении оказывается, что работа Квитко 1) была им проведена преимущественно в США, где он жил с 1913 по 1928 годы, и 2) несмотря на временами проявляющееся стремление следовать академическому стилю, переполнена поверхностными идеологическими суждениями вплоть до пропагандистского шельмования Толстого и толстовства. В 1928 году, сразу после возвращения Квитко в СССР, его работа была отчасти изменена и опубликована в издательстве Коммунистической академии под названием «Философия Толстого». В книге Квитко отсутствует

отдельное и систематическое рассмотрение учения о непротивлении злу насилем, а есть лишь небольшой параграф, где производится очень вольный его пересказ.

В целом в своей книге Квитко повторяет основные штампы о Толстом, прозвучавшие у Ленина и Луначарского. Так, Толстой представляется у Квитко реакционным крестьянским философом, а основаниями учения о непротивлении злу насилем объявляются кризис дворянства, наступление капитализма, неспособность принять идеологию пролетариата. И, несмотря на то, что в начале книги «Философия Толстого» ее автор призывает не проводить четкой границы между художественными и философскими произведениями, тем не менее, сам Квитко следовал этому лишь отчасти и не раз подчеркивал силу Толстого-художника и слабость Толстого-мыслителя (см., например: [10, с. 9]).

Квитко останавливается на религиозных взглядах Толстого как основе его философии и нравственности, в которой «этика – прикладная религия» [10, с. 45]. Например, понятие правды Толстого характеризуется как «своеобразная смесь христианского и буддийского учений, с элементами анархистских идей» [10, с. 35]. В итоге, учение Толстого было объявляется Квитко реакционным. При этом Квитко допускает некоторое снисхождение, так как он считает, что невозможность осуществления этого учения «не делает его опасным, но оно все же является вредным, ибо оно еще больше усыпляет несознательные элементы в такое время, когда они нуждаются в пробуждении от тысячелетней спячки» [10, с. 38]. Толстовство характеризуется в книге более жестко, так как, согласно Квитко, оно не только не близко «к марксизму, а прямо противоположно и враждебно ему» [10, с. 38-39], а взгляд Толстого на историю, несмотря на некую близость к марксистскому на первый взгляд, на самом деле «ничего общего не имеют между собой» [10, с. 150]. Философско-религиозное учение Толстого в целом объявляется мистическим «абсурдом» [10, с. 41], а сам Толстой – «эгоцентриком» [10, с. 9], «потусторонним» [10, с. 141], «идеалистом» [10, с. 141].

Квитко оценивал Толстого как подложного революционера, поясняя свое утверждение следующим образом: «Бывают разного рода революционеры. Такие, которые стремятся к перевороту отжившего строя, берут за основание прогресс. Это – истинные революционеры. Толстой был революционером задним числом, он стремился вернуть прошлое, допотопное. Его теорией был регресс, а не прогресс» [10, с. 151]. Более того, по мнению Квитко, учение о непротивлении злу насилем Толстого играло на руку угнетателям, так как «советуя непротивление, Толстой, если бы он имел влияние на рабочий класс, только ослабил бы его волю, усиливая этим врага» [10, с. 56], а «рабская мораль подставить вторую щеку, когда обидчику надоело бить по первой, кроме презрения и отвращения ничего не вызывает» [10, с. 75]. Критика Толстого стремления рабочих к восстанию и революционному насилию вызывало у Квитко неприкрытое раздражение, как и то, что «об угнетателях он часто не менее заботится, чем об угнетенных» [10, с. 152]. В целом следует заключить,

что у Квитко учение Толстого представлено не просто односторонне, но почти исключительно оценивается с помощью утвержденных на тот момент в Советской России идеологических клише.

Критика этических идей Толстого в среде российской эмиграции

Оценка учения о непротивлении злу насиліем Толстого среди эмигрантов из России была существенно разнообразнее, так как отсутствовали идеологический гнет, цензура и репрессии к инакомыслящим, которые воцарились в СССР. Но при этом большинство известных представителей белой эмиграции заняли резко критическую позицию к нравственному учению Толстого, история которой среди консерваторов и религиозных мыслителей насчитывала к 1917 году уже несколько десятилетий. Одним из первых на зарождавшееся учение о непротивлении злу насиліем, в духе которого делал замечания Левин из романа «Анна Каренина», с резкой критикой обрушился еще в 1877 году Ф.М. Достоевский [6]. Чуть позже критические оценки этических идей Толстого, доходивших до личных нападок, зазвучали в работах таких мыслителей, как В. С. Соловьев [22], Н. Ф. Федоров [25], В. В. Розанов [20] и ряда других. С 1917 по 1928 годы критика существенным образом не изменилась, однако несколько сместился ее содержательный фокус. Такие философы, как Н. А. Бердяев [4], И. А. Ильин [8], С. Л. Франк, Д. С. Мережковский [17] объявили Толстого с его нравственным учением предшественником большевиков, возложив на умершего мыслителя с большей или меньшей резкостью выразив ответственность за революцию и приход большевиков к власти. Большое место в этой критике отводилось учению о непротивлении злу насиліем.

Одним из крупнейших критиков учения Толстого на протяжении многих лет был Бердяев. Хотя его оценка философских сочинений Толстого менялась в течение жизни, но в целом в ней преобладала резкая критика, достигнувшая своего апогея как раз в рассматриваемый период. Так, в статье 1918 года «Духи русской революции» Бердяев обрушивается на Толстого и его учение с рядом обвинений, изложенных в характерном для него стиле [4]. Бердяев обычно не ставил себе задачу демонстрировать какую-либо последовательность, четкость или связанность своих заключений. Его работы – это прорыв, если не поток возбужденного сознания, без остановки чеканящее короткие, резкие и обычно безапелляционные утверждения, неподкрепленные или мало подкрепленные чем-то иным, чем своей вызывающей формой.

В статье «Духи русской революции» Толстой представляется крайним индивидуалистом, выступающим против культуры, творчества, истории, Христа, государства, России. Другими словами, утверждается полный нигилизм Толстого. При этом Бердяев пишет, что «толстовцев в узком смысле слова, разделяющих доктрину Толстого, мало, и они представляют незначительное явление. Но толстовство в широком, не доктринальном смысле слова очень характерно для русского человека, оно определяет русские моральные оценки» [4, с. 695]. Правда чуть ниже Бердяев уже добавляет: «Почти вся русская

интеллигенция признала толстовские моральные оценки самыми высшими, до каких только может подняться человек» [4, с. 697]. Остается непонятным, что это за особые русские моральные оценки, непонятно какая интеллигенция, а также, что значит толстовство в широком и узком смысле. Если это некое свойство, как думает Бердяев, некоего «русского характера», то зачем называть это толстовством? Впрочем, Бердяев не тратит времени на объяснение этих и подобных нюансов, так как, очевидно, для статьи «Духи русской революции» была поставлена задача эмоционального, звучного обличения, а не вдумчивого исследования. Учитывая это, понятны и заявление Бердяева о том, что «это Толстой сделал нравственно невозможным существование Великой России» [4, с. 700], и призыв о том, что «необходимо освободиться от Толстого как от нравственного учителя» [4, с. 701]. Для вдумчивого читателя тут же может возникнуть ряд закономерных вопросов. Например: кому было адресовано это обращение? В каком смысле «нравственного учителя» – в широком или узком? Что значит «нравственно невозможным»? Какой смысл Бердяев вкладывал здесь в словосочетание «Великая Россия» и для кого или чего «Великая»?

Что касается непосредственно учения Толстого о непротавлении злу насилием, то Бердяев прекрасно понимал его центральное значение для этической мысли Толстого, поэтому и здесь со стороны Бердяева звучит целый ряд громких, но необоснованных утверждений. При том, что Толстой в статье «Духи русской революции» приравнивается к буддистам и адептам пассивности, это не мешает Бердяеву сделать, например, следующее заявление: «Русская революция являет собой своеобразное торжество толстовства» [4, с. 695]. Более того, согласно Бердяеву, оказывается, что «Толстой мешал народению и развитию в России нравственно ответственной личности, мешал подбору личных качеств, и потому он был злым гением России, соблазнителем ее» [4, с. 697]. Далее Бердяев пишет: «Толстовская мораль восторжествовала в русской революции, но не теми идиллическими и любвеобильными путями, которые предносились самому Толстому» [4, с. 697]. Другими словами, автор статьи «Духи русской революции» хотя и понимал, но не относился серьезно к тому, что в центре толстовства как раз и было отрицание насилия как в качестве средства, так и в качестве цели. Для Бердяева, как и многих других критиков Толстого, суть его учения о непротавлении злу насилием, его убеждения и мотивы – второстепенны, если не третьестепенны. Как критиков Толстого в Советской России, так и многих критиков в среде белой эмиграции, включая Бердяева, интересовали воображаемые и ими же выводимые последствия социального, политического, психологического воздействия учения Толстого на некое коллективное сознание того, что они называют русским или советским народом. То, что Толстой призывал не убивать ни революционеров, ни контрреволюционеров, ни кого-либо еще, решительно выступая против любого насилия, сильно раздражало критиков как слева, так и справа.

Для уяснения взглядов многих известных эмигрантов из России на учение о непротавлении злу насилием в первое десятилетие после 1917 года важна дискуссия, развернувшаяся вокруг выступлений и книги Ильина «О

сопротивлении злу силою» [2]. Так как мыслителей, ставших на сторону Толстого было крайне мало, то основная полемика развернулась между представителями разных политических движений внутри эмигрантов из России. Порой эта дискуссия, при обоюдной критической позиции, доходила до предельно жестких выражений и даже личных оскорблений. Как, например, это было в случае Бердяева и Ильина (см.: [2]). Само произведение Ильина «О сопротивлении злу силою» стало самой масштабной атакой на нравственное учение Толстого в среде белой эмиграции. Однако при всей разветвленности и объемности основные стратегии критики идей Толстого у Ильина повторяют не только консервативные и религиозные упреки со стороны Достоевского, Соловьева и Бердяева, но и пересекаются с нападками на учение о непротивление злу насилем со стороны идеологов большевиков. Уже в начале книги учение Толстого объявляется Ильиным «узаконивающим слабость» [8, с. 37], «возвеличивающим эгоцентризм» [8, с. 37], «потакающим безволию» [8, с. 37], к тому же утверждается, что это учение «отравляло русскую религиозную и политическую культуру» [8, с. 37].

Обилие клише, эпитетов, необоснованных заявлений и прямых нападков на Толстого не только предваряет основную часть работы Ильина, но и прямо следует за его призывом к тому, что вопрос о сопротивлении злу «надо поставить и разрешить философически, как вопрос, требующий зрелого духовного опыта, продуманной постановки и беспристрастного решения» [8, с. 35], здесь же он заявляет: «Исследователь не должен предварять своего исследования отпугивающими возможностями или перспективами; он не должен торопиться судить свое прошлое или позволять чужому осуждению проникать в глубину сердца» [8, с. 35]. Почему-то предварять свою работу необоснованным осуждением учения другого Ильин не считал проблемой и препятствием в поиске «беспристрастного» решения. На протяжении всей работы Ильин изощряется в выдумывании уничижительных эпитетов, простирающихся от утверждений о «духовной слепоте» [8, с. 85] до обвинений в «наивно-лицемерном самодовольстве» [8, с. 204] Толстого и сторонников учения о непротивлении злу насилем. Помимо открытой негативной экспрессивности, следствием подобных обозначений, с одной стороны, стали многочисленные искажения идей Толстого, а с другой стороны, с самого начала произошел выход за рамки заявленного беспристрастного исследования.

Лейтмотивом книги Ильина служила попытка установить некую схему, где одни действия, произведенные во имя того, что он определял как зло, по-прежнему считались бы насилем, а те же действия вплоть до убийства, но произведенных во имя того, что Ильин считает добро, насилем бы не считались. Такие действия Ильин назвал «заставлением», «понууждением», «принуждением» и «пресечением». Что касается того, что для него определяет добро, то с самого начала Ильин выразил свои приоритеты, располагающиеся в русском национализме и православии. Это выводит его идею «добра» за пределы морали, если под последней понимать нечто самодостаточное и независимое от политических и религиозных идеологий. Этот выход дает себя

знать и в формальном определении «добра», которое дал Ильин, а именно в утверждении, что «добро по самой природе своей религиозно – ибо оно состоит в зрячей и целостной преданности Божественному» [8, с. 47]. Другими словами, Ильин подчинил свою идею «добра» религиозному началу, которое для него воплощалось в русском национализме и русском же православии.

Выход из рассуждения о морали и перевод его в рассуждение идеологическое и конфессиональное подтверждается критикой морали Ильиным. Так, слово «мораль» и его производные (например, «моральность», «моральное»), если не считать очень редких случаев нейтрального словоупотребления, встречаются в книге «О сопротивлении злу силою» в негативном значении. Положительная характеристика морали там отсутствует. При этом учение Толстого, согласно Ильину, и есть воплощение морального подхода по существу, которому противопоставляется не некая иная моральная позиция, а то, что Ильиным обозначается словом «духовность» и фактически отождествляется им с русским православием. Поэтому «агрессивная критика Толстого является отвержением мировоззрения, в центре которого располагается мораль. Ильин и критикует Толстого как *морального философа*, как «моралиста». Для него именно *последовательная* опора на мораль и сделала все построения «непротивленцев» несостоятельными, достойными плохо скрываемого презрения с высоты высшей духовной позиции» [23, с. 156]. Ильин и сам пишет: «Все учение его (*Толстого – К. Т.*) есть не что иное, как *мораль*; и в этом заложено и этим определено уже все дальнейшее» [8, с. 90]. При этом «дальнейшим», согласно Ильину, является противоречивость, пустота и «противодуховность» учения Толстого. На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что «именно целенаправленная критика морали и является фундаментальным основанием, на котором Ильин возводит апологию насилия (в его терминологии «понуждения» и «пресечения»), а книга «О сопротивлении злу силою» может быть обозначена как *имморальная*, в том смысле, что она не игнорирует мораль, не предлагает иную мораль, а сознательно *направлена против морали*» [23, с. 156]. Ильин даже не пытался скрыть своей конфессиональной и националистической ангажированности, выступая за установление религиозного диктата в мысли и обществе. В его работе не предусмотрено равноправного места для инакомыслящих и возможности уважительного диалога. Идеи Ильина о политике мало чем, если в принципе чем-то, отличаются от тоталитарного подхода, а о религии имеют сильный уклон в агрессивный фундаментализм.

Одним из немногих в среде известных представителей белой эмиграции, попытавшимся не столько критиковать, сколько вдумчиво понять Толстого и его нравственное учение был видный политический и общественный деятель В. А. Маклаков. В своем выступлении 1921 года «Толстой и большевизм» Маклаков попробовал донести до публики то, что упускалось большинством мыслителей, философов и идеологов как в Советской России, так и за рубежом. Вслед за толстовцами, к которым он в силу ряда причин не принадлежал, он признал, что нравственное учение Толстого противоречит как идеологии

большевиков, так и взглядам многих известных представителей белой эмиграции. Маклаков был убежден, что все попытки записать покойного Толстого в свои союзники или, наоборот, в союзники своих врагов обречены на провал как для большевиков, так и для белогвардейцев. Толстой, согласно Маклакову, несмотря на свою смерть в 1910 году, а также малочисленность и разнородность своих сторонников, сформировал для них на основе своего учения о непротивлении злу насилем такую нравственную позицию, которая смогла стать независимой и одновременно удаленной от идеологических позиций обоих враждующих лагерей. Маклаков выделил несколько пунктов, по которым оценки большевиков и белых эмигрантов совпадают, тогда как учение Толстого им противостоит:

– Оценка государства. Маклаков пишет: «Мы все люди самых различных политических взглядов, говорим с коммунистами на том же языке, исходим из одной точки зрения – мы все государственники. Мы не мыслим личности вне общежития, общежития вне государства, а государства без права на принуждение» [16, с. 10]. Толстой, как известно, не просто говорил об идеале, заключающемся в самоупорядочивании жизни без государства, но в отличие от большевиков, говорил о невозможности институту государства через насилие стать инструментом для установления такой жизни;

– Оценка насилия. Маклаков пишет: «Мы, противники большевиков, как и они сами, признаем, что бывают эпохи, когда *насилие необходимо*, когда жестокостью и кровью ведут к лучшему будущему» [16, с. 16]. И чуть ниже добавляет: «В сущности мы против большевистского насилия не потому, что это *насилие*, а потому, что оно по нашему мнению *дурно* направлено» [16, с. 19]. Толстой, как известно, видел в насилии основное проявления зла, что превращало борьбу со злом с помощью насилия в бессмысленное и противное как морали, так и здравому смыслу занятие;

– Отношение к культу героев и вождей. Маклаков пишет: «Как ни отвратительна нам деятельность Ленина и большевиков, у некоторых из нас вырывается невольное восхищение перед исключительной ролью, которую они сыграли в России» [16, с. 33], тогда как «моральное чувство Толстого оскорбляла претензия управлять другими, навязывать им свою волю» [16, с. 34]. Хорошо известны призывы Толстого к людям полагаться на самих себя, а не на государственные институты или лидеров. В осознании ненужности внешнего руководства, а также в выстраивании жизни согласно учению о непротивлении злу насилем Толстой видел путь к реализации человеком себя как религиозной и моральной личности.

При этом и Маклаков не смог полностью отказаться от идеи противления злу насилем, объявив учение Толстого нереалистичным.

Заключение

Со стороны идеологов большевиков, а также значительной части известных представителей белой эмиграции, вставших в оппозицию к новой власти, нравственное учение Толстого получало резко отрицательную оценку.

Его учение о непротивлении злу насилем объявлялось вредным, критиковалось за нереалистичность, наивность и эгоистичность, за призыв к пассивности, обернувшуюся колоссальными историческими последствиями, за реакционность и, наоборот, революционность. С этим связаны и основные упреки оппонентов идей Толстого, в которых утверждалось, что в учении о непротивлении злу насилем 1) отсутствует чувство ответственности за общество (нацию, родину, пролетариат), а доминирует озабоченность собственным «я»; 2) развивается упрощенное представление о реальности и отрицается сила зла; 3) объявляется капитуляция перед злом.

Позиция старых и новых критиков Толстого уязвима со многих сторон, но здесь можно ограничиться обозначением только одного момента. Учение о непротивлении злу насилем его критиками обычно рассматривалось и продолжает многими рассматриваться в перспективе подхода, где уже расставлены ценностные ориентиры или выявлены некие исторические (природные) закономерности, во имя которых или на основании которых такими критиками допускается насилие. При этом моральная позиция человека ими мыслится не как независимая, а как подчиненная этим внешним установленным, объективированным и безразличным к отдельному «я», но открывшимся этим критикам ценностям или законам. Насилие таким образом становится элементом подобных перспектив, в которых не находится место учению Толстого, пытавшегося помыслить воплощения принципа ненасилия уже в сегодняшнем, а не в каком-то отнесенном в далекое будущее или в потустороннее мире.

Неспособность критиков следовать интенции Толстого привела не к проникновению в суть его учения, а к упрекам или похвалам, основывающимся на консеквенциалистском подходе. Так, критике институтов власти у Толстого, включая отказ от их революционного разрушения, приписывалась революционность, а идее ненасилия вменялось то, что она якобы повлекла насилие. Более того, несмотря на учение о непротивлении злу насилем и обычные упреки в пассивности, идеи Толстого пытались опровергнуть так, как будто за ними стоит насилие. Хотя все это лишь обнаруживает неспособность оппонентов его учения хотя бы попробовать помыслить вне насилия. Это также демонстрирует важное различие между пониманием морали Толстым и большинством его критиков. Толстой в учении о непротивлении злу насилем двигается от морали к царствующему в мире насилем через осуждение насилия, а его критики, наоборот, пробовали двигаться от наличного насилия к морали через попытки дать оправдание насилем. Первая позиция задает абсолютность и автономность морали, вторая – ее относительность и производность. Но нет ли в идее «относительной морали» противоречивости? Не уместнее ли тут слово идеология? Поэтому критика учения Толстого в рассматриваемый период – это критика позиции, в центре которой располагается мораль, во имя идеологий, где в центре располагалась не мораль, а некие профессиональные, классовые, национальные интересы.

Морализм Толстого – это подтверждение его стремления быть действительно, а значит безусловно, моральным. По сути, отказ от насилия – это не нравственное учение в позитивном значении, это то, что задает возможность формулировки различных ненасильственных учений и практик. Признание ненасиления в качестве отправной точки морального поступка и этической мысли переносит ценностный центр в каждого человека и не имеет ничего общего со слепым следованием какой-либо доктрине, системе или мировоззрению, включая взгляды самого Толстого во всем их разнообразии и разнородности.

Литература

1. Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910-1930-е годы / сост. А. Б. Рогинский. М.: Книга, 1989. 512 с. (Время и судьбы).
2. И. А. Ильин : pro et contra / сост. И. Евлампиев. СПб. : Изд-во Рус. Христиан. Гуманит. ин-та, 2004. 896 с.
3. Авербах Л. О задачах пролетарской литературы. М.: Моск. рабочий, 1928. 175 с.
4. Бердяев Н. А. Духи русской революции // Манифесты русского идеализма / сост. В.В. Сапов. М.: Астрель, 2009. С. 665-700.
5. Гусев Н. Н. За кого был бы Толстой? // Голос Толстого и Единение. 1919. № 1 (12). С. 4.
6. Достоевский Ф. М. Дневник писателя (1877, 1880, 1881) [Электронный ресурс] // Азбука веры : православная энциклопедия : сайт. 2005-2018. URL: <https://azbyka.ru/fiction/dnevnik-pisatelya-1877-1880-1881/> (дата обращения: 29.05.2018)
7. Емельянов Б. В. Цензура философской литературы в России: от века серебряного к веку железному // Вестник МГТУ. 2010. Т. 13, № 2. С. 342-348.
8. Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // Собр. соч. В 10 т. М.: Рус. книга, 1996. Т. 5. С. 31-220.
9. Кантор В. В. Лев Толстой как предшественник большевизма [Электронный ресурс] // Журнальный зал : сайт. М., 2005-2018. URL: <http://magazines.russ.ru/slovo/2006/52/ka22.html> (дата обращения: 13.05.2018)
10. Квитко Д. Ю. Философия Толстого. М.: Либроком, 2009. 227 с.
11. Крупская Н. К. Коммунистическое воспитание детей // Рабочей молодежи о VIII Всесоюзном съезде ВЛКСМ. М.: Мол. гвардия, 1928. С. 90-94.
12. Лавров П. Л. Старые вопросы (Учение графа Л.Н. Толстого) // Сочинения. В 2 т. М.: Мысль, 1965. Т. 2. С. 506-580.
13. Ленин В. И. Лев Толстой, как зеркало русской революции // Л. Н. Толстой в русской критике : сб. ст. / вступ. ст. и примеч. С. П. Бычкова. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952. С. 57-62.
14. Ленин В. И. Л.Н. Толстой и его эпоха // ПСС. В 55 т. Т. 20: Ноябрь 1910-ноябрь 1911. М.: Изд-во полит. лит., 1973. С. 100-104.

15. Луначарский А. В. Толстой и Маркс. Л.: Academia, 1924. 49 с.
16. Маклаков В. А. Толстой и большевизм. Париж: Zemgor, 1921. 56 с. ;
то же [Электронный ресурс]. URL: http://vtoraya-literatura.com/pdf/maklakov_tolstoj_i_bolshevizm_1921_ocr.pdf (дата обращения: 29.05.2018)
17. Мережковский Д. С. Л. Толстой и большевизм [Электронный ресурс] // Lib.ru/Классика : электронная библиотека. URL: http://az.lib.ru/m/merezhkowskij_d_s/text_1922_tolstoy.shtml (дата обращения: 29.05.2018)
18. Поповский М. Русский мужики рассказывают: последователи Л.Н. Толстого в Советском Союзе. 1918-1977 : док. рассказ о крестьянах-толстовцах в СССР по материалам вывезен. на Запад крестьян. архивов. Лондон: Overseas Publications Interchange LTD, 1983. 314 с.
- 20 Радзиховский Л. Правда - и революция // Рос. газета. 2010. 9 ноября.
19. Розанов В. В. Еще о гр. Толстом и его учении о непротивлении злу [Электронный ресурс] // Литература и жизнь. : сайт. М., 2008-2018. URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_eche_o_gr_l_n_tolstom_i_ego_uchenii.html (дата обращения: 29.05.2018)
- 21 Седов М. Г. П.Л. Лавров в революционном движении России // Вопросы истории. 1969. № 3. С. 55–72.
- 22 Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Сочинения. В 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 635–762.
- 23 Троицкий К. Е. Сопротивление злу силою Ивана Ильина как «духовный имморализм» // Вопросы философии. 2017. № 2. С. 154–165.
- 24 Фатеев В. А. Лев Толстой и революция: «религиозная» философия с нигилистической подкладкой // Христианское чтение. 2017. № 2. С. 325–344.
- 25 Федоров Н. Ф. Что такое добро? // Л.Н. Толстой: pro et contra. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. Гуманит. ин-та, 2000. С. 188–191.

References

1. Vospominaniya krest'yan-tolstovtsev. 1910-1930-ye gody [Memoirs of Tolstoyan peasants. 1910-1930-ies] / comp. by A. B. Roginskiy. Moscow: Kniga, 1989. 512 p. (Time and fate).
2. I. A. Ilyin: pro et contra / comp. by I. Evlampiev. Saint-Petersburg: Publishing House of Rus. Christian Humanit. Inst, 2004. 896 p.
3. Averbakh L. O zadachakh proletarskoy literatury [On the problems of proletarian literature]. Moscow: Mosk. rabochiy, 1928. 175 p.
4. Berdyaev N. A. Dukhi russkoy revolyutsii [Spirits of the Russian revolution] // Manifesty russkogo idealizma [Manifestos of Russian idealism] / comp. by V. V. Sapov. Moscow: Astrel', 2009. Pp. 665-700.
5. Gusev N. N. Za kogo byl by Tolstoy? [For whom would Tolstoy be?] // Golos Tolstogo i Yedineniye [Voice of Tolstoy and the Union]. 1919. No. 1 (12). P.4.

6. Dostoevsky F. M. Dnevnik pisatelya (1877, 1880, 1881)[Writer's Diary (1877, 1880, 1881)] [Electronic resource] // Azbuka very [The ABCs of Faith]: Orthodox encyclopedia: site. 2005-2018. URL: <https://azbyka.ru/fiction/dnevnik-pisatelya-1877-1880-1881/> (reference date: 29.05.2018)
7. Emel'yanov B. V. Tsenzura filosofskoy literatury v Rossii: ot veka serebryanogo k veku zheleznomu [Censorship in Philosophical Literature in Russia: From the Silver Age to the Iron Age] // Vestnik MGTU. 2010 Vol. 13, No. 2. Pp. 342-348.
8. Il'in I. A. O soprotivleniye zlu siloyu [On the resistance to evil by force] // Coll. Op. In 10 vols. Moscow: Rus. kniga, 1996. Vol. 5. Pp. 31-220.
9. Kantor V. V. Lev Tolstoy kak predshestvennik bol'shevizma [Leo Tolstoy as the predecessor of Bolshevism] [Electronic resource] // Zhurnal'nyy zal: site. Moscow, 2005-2018. URL: <http://magazines.russ.ru/slovo/2006/52/ka22.html> (reference date: 13.05.2018)
10. Kvitko D. Yu. Filosofiya Tolstogo [Tolstoy's Philosophy]. Moscow: Librokom, 2009. 227 p.
11. Krupskaya N. K. Kommunisticheskoye vospitaniye detey [Communist education of children] // Rabochey molodezhi o VIII Vsesoyuznom s"yezde VLKSM [Working youth on the 8th All-Union Congress of the Young Communist League]. Moscow: Mol. gvardiya, 1928. Pp. 90-94.
12. Lavrov P. L. Staryye voprosy (Ucheniye grafa L.N. Tolstogo) [Old issues (Count Leo Tolstoy's Teachings)] // Sochineniya [Works]. In 2 vols. Moscow: Mysl', 1965. Vol. 2. Pp. 506-580.
13. Lenin V. I. Lev Tolstoy, kak zerkalo russkoy revolyutsii [Leo Tolstoy as a mirror of the Russian revolution] // L. N. Tolstoy v russkoy kritike [Leo Tolstoy in Russian criticism]: coll. art. / Intro. article and notes by S.P. Bychkov. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit., 1952. Pp. 57-62.
14. Lenin V. I. L.N. Tolstoy i ego epokha [Leo Tolstoy and his epoch] // PSS [Complete Works]. In 55 vols. Vol. 20: November 1910 – November 1911. Moscow: Izd-vo polit. lit., 1973. Pp. 100-104.
15. Lunacharsky A. V. Tolstoy i Marks [Tolstoy and Marx]. Leningrad: Academia, 1924. 49 p.
16. Maklakov V. A. Tolstoy i bol'shevizm [Tolstoy and Bolshevism]. Paris: Zemgor, 1921. 56 p.; ibidem [Electronic resource]. URL: http://vtoraya-literatura.com/pdf/maklakov_tolstoj_i_bolshevizm_1921_ocr.pdf (reference date: 29.05.2018)
17. Merezhkovsky D.S. L. Tolstoy i bol'shevizm [Tolstoy and Bolshevism] [Electronic resource] // Lib.ru/Klassika: electronic library. URL: http://az.lib.ru/m/merezhkovskij_d_s/text_1922_tolstoy.shtml (reference date: 29.05.2018)
18. Popovskiy M. Russkiy muzhiki rasskazyvayut: posledovateli L.N. Tolstogo v Sovetskom Soyuze. 1918-1977: dok. rasskaz o krest'yanakh-tolstovtsakh v SSSR po materialam vyvezen. na Zapad krest'yan. arkhivov [Russian men tell: followers of Leo Tolstoy in the Soviet Union. 1918-1977: doc. story of Tolstoyan

peasants in the USSR on materials exported to the West peasant archives. London: Overseas Publications Interchange LTD, 1983. 314 p.

26 Radzikhovskiy L. Pravda - i revolyutsiya [True - and the revolution] // Ros. gazeta. 2010. November 9th.

19. Rozanov V. V. Yeshche o gr. Tolstom i yego uchenii o neprotivlenii zlu [More about citizen Tolstoy and his doctrine of non-resistance to evil] [Elektronnyy resurs] // Literatura i zhizn' [Literature and life]: site. Moscow, 2008-2018. URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_eche_o_gr_l_n_tolstom_i_ego_uchenii.html (reference date: 29.05.2018)

27 Sedov M. G. P. L. Lavrov v revolyutsionnom dvizhenii Rossii [Lavrov in the revolutionary movement of Russia] // Voprosy istorii [Issues of history]. 1969. No. 3. Pp. 55-72.

28 Solovyov V. S. Tri razgovora o voyne, progresse i kontse vseмирnoy istorii [Three Conversations on War, Progress and the end of world history] // Sochineniya [Works]. In 2 vols. Moscow: Mysl', 1988. Vol. 2. Pp. 635-762.

29 Troitskiy K. E. Soprotivleniye zlu siloyu Ivana Ilyina kak «dukhovnyy immoralizm» [Resistance to evil by the power of Ivan Ilyin as "spiritual immoralism"] // Voprosy filosofii [Issues of philosophy]. 2017. No. 2. Pp. 154-165.

30 Fateev V. A. Lev Tolstoy i revolyutsiya: «religioznaya» filosofiya s nigilisticheskoy podkladkoy [Leo Tolstoy and the Revolution: A "Religious" Philosophy with a Nihilistic Lining] // Khristianskoye chteniye [Christian Reading]. 2017. No. 2. Pp. 325-344.

31 Fedorov N. F. Chto takoye dobro? [What is good?] // L.N. Tolstoy: pro et contra. Saint-Petersburg: Publishing House of Rus. Christian Humanit. Inst., 2000 Pp. 188-191.

*Статья поступила в редакцию 16.06.2018
Статья допущена к публикации 30.09.2018*

*The article was received by the editorial staff 16.06.2018
The article is approved for publication 30.09.2018*